

В. С. Михайловский, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета

V. S. Mikhailouski Vadzim, PhD (political science), Associate Professor at the department of political science, Belarussian State University

УДК 32.01

Роль эксперимента в развитии политической теории

The role of experiment in the development of political theory

Научная теория – это наиболее эвристичная форма организации знания, дающая целостное и комплексное представление об изучаемой действительности. Не зря теория часто идентифицируется с наукой в целом, а прогресс той или иной дисциплины измеряется развитостью ее теоретических форм. Генерация новой теории находится в авангарде развития любой науки, а успех в этом деле отражает актуальность дисциплины и возможность развивать ее далее.

Развитие политической теории – это поступательная деятельность сообщества политических исследователей, которая детерминирована многими факторами, начиная от картины мира и заканчивая научным консенсусом внутри группы политологов. Пути генерации новых политических теорий разнообразны и требуют обобщения в рамках отдельной работы. Предмет данной статьи ограничивается изучением развития политической теории в рамках классического научного исследования. Термин «классический» может вызвать определенную озабоченность у читателя в свете всех тех многообразных подходов к социальной науке, которые имеются на сегодняшний день: начиная от физикализма и заканчивая постмодернистской ревизией научной истины. Исходя из традиции академических политических исследований и учебного

знания, мы определяем классическое научное политическое исследование как целенаправленное познание неизведанного опыта политической действительности на основе изучения политических явлений/процессов с дальнейшим теоретическим обобщением. Ключевым классическим фактором этой деятельности является эмпирическая составляющая политического исследования и, как итог, эмпирическая верификация политических теорий.

Эмпирическое исследование, в отличие от теоретического, направлено непосредственно на объект исследования и опирается на данные *наблюдения* и *эксперимента*. Эксперимент – это метод познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях исследуются явления действительности и/или проверяются гипотезы. Однако зачастую в политических исследованиях отсутствует возможность проведения эксперимента, что является определенным вызовом как для отдельного исследователя, так и для политической науки в целом. Требование сохранить эмпирическую часть научного исследования не оставляет политологию с момента ее возникновения.

Цель статьи – выявить роль эксперимента в развитии политической науки. В своих изысканиях мы опирались на работы исследователей эмпирической политической науки К. фон Байме, К. Макгроу, Р. Мертон, Г. Пэнто, Р. Макдермотт.

Вопрос экспериментальной деятельности политологов обсуждается в политической науке с 1970-х годов. Своеобразной институционализацией вопроса стали публикации в специализированном журнале «Experimental Study of Politics», который начал публиковаться с 1971 года. В 1996 году американская исследователь К. Макгроу по результатам своей работы «Политическая методология: планирование исследований и экспериментальные методы» констатировала, что «экспериментальные исследования в политической науке достигли своей зрелости» [1, с. 762]. Противоположную точку зрения транслировала в 2002 году американская исследователь Р. Макдермотт: обзор журналов по политологии, начиная с

1920-х годов, выявил «скудность» публикаций по экспериментальным политическим исследованиям. Р. Макдермотт в обоснование своей точки зрения сослалась на личный разговор с «редактором крупного журнала», который категорически отрицал возможность публикаций по экспериментальной политологии по причине отсутствия какой-либо связи между экспериментом и политической наукой [2, с. 44]. Несмотря на различную оценку эксперимента в политической науке, исследовательницы сходятся в одном: имеют место наиболее популярные для экспериментирования предметные области политологии. К. Макгроу среди таких предметов называла общественное мнение, принятие решений (политический выбор), коллективное действие, социальная политика. Р. Макдермотт – выборы, поведение избирателей, теория игр, политическое лидерство, политические коалиции. В начале 2000-х годов схожее исследование было предпринято и группой американских исследователей. Признавая факт увеличения экспериментирования в политологии по причине развития технических средств экспериментирования и «экспериментального сознания в общественных науках», исследователи также указывали на политологические предметы, наиболее адаптивные к экспериментированию: общественное мнение и электоральная политика [3, с. 633]. Из представленных списков видно, что экспериментирование характерно для политологов в рамках политико-социологического предмета и поведенческого подхода. Отсюда возникают вопросы, которые недостаточно глубоко освещены в публикациях по политологии: ограничена ли политическая наука в экспериментировании и должны ли все политические исследования основываться на эксперименте?

Проблема эксперимента в науке фундируется традиционным представлением о двух уровнях научного познания и знания. Деление науки на теоретическую и эмпирическую составляющие вошло в анналы науковедения, но не лишилось критического дискурса. Споры о первенстве теории или эмпирии в генерации нового продолжаются до сих пор. Стоит

хотя бы сравнить работы В. С. Степина и Г. П. Щедровицкого, чтобы увидеть силу аргументированности противоположных точек зрения. В науковедческом измерении в вопросе развития политической теории стоит классическое для всей науки противопоставление ученого-экспериментатора и ученого-теоретика. Из политологической литературы можно привести цитату немецкого исследователя К. фон Байме о том, что политологи-теоретики «не отвечают за последствия применения их выводов на практике», а политологи-эмпирики «не несут ответственности за несоответствие результатов их работы теоретическим концепциям» [4, с. 499].

Такое двухполюсное представление о науке типично, также как и его негативные последствия: образы теоретика как «кабинетного» ученого, а эмпирика как «лабораторного» экспериментатора. Пагубность такой градации очевидна и выявлена уже давно. Еще в советской науке отказались от такого подхода и исходили из компромисса о взаимной связи и одновременной конкуренции теории и эмпирии в генерации нового знания. Советский физик Г. Б. Жданов писал, что «лишь в сравнительно редких случаях между ними временно устанавливается почти полное соответствие – именно тогда и появляется иллюзия законченности здания науки, наступает спад творческой активности ученых» [5, с. 32]. Эта мысль транслировалась и в западной научной мысли. Американский социолог Р. Мертон задавался вопросами «что дает теория исследованию?» и «что дает исследование теории?». С его точки зрения имеет место взаимная польза: теория есть опора исследователя в объяснении окружающей действительности, а исследование есть способ развития («направления, углубления, переориентации и прояснения») теории [6, с. 210].

Из хрестоматийного деления политической науки на теоретическую и эмпирическую составляющие следует и второе негативное последствие: представление о том, что все теоретическое лишено эмпирического. В опровержение этому укажем, что в известной монографии Оксфордского

университета «Политическая наука: новые направления», которая была задумана как «летопись научных достижений» политологии, глава, посвященная политической теории, презентует ее две составных части: «политическую философию» и «эмпирическую политическую теорию». Тем самым эмпирической составляющей лишается не политическая теория, а только ее составная часть: философская традиция нормативной политологии. Более того, сама эмпирическая политическая теория делится на два направления: веберовское и контавское. Первое «преимущественно концентрирует внимание на реконструкции социальной реальности в исторической перспективе и ex post facto работает с типологиями и идеальными типами». Второе «сводится к моделированию действительности через выявление зависимых и независимых переменных величин» [4, с. 495]. В указанной главе не определяется роль эксперимента во всех составных частях политологии, что, однако, может быть выявлено нами самостоятельно.

Политическая философия исследует то, что не дано в политическом опыте, что не наблюдаемо, а, следовательно, невозможно для повторения в контролируемых и управляемых условиях, т.е. для экспериментирования. В противоположность этому позитивистская традиция в развитии политической теории с ее стремлением выявить повторяющиеся причинно-следственные отношения изучаемого политического явления в политологической модели олицетворяет идеал деятельности политолога-эмпирика — экспериментирование над наблюдаемым. Остается сильно теоретически загруженной часть эмпирической политической теории, которая находится между двумя возможными для политолога исследовательскими ситуациями: *изучение ненаблюдаемого и неподверженного эксперименту vs изучение наблюдаемого и подверженного эксперименту*. Логично будет предположить, что оставшаяся часть политической теории «покрывает» ситуацию, когда политолог имеет дело с наблюдаемым, но невозможным для экспериментирования предметом исследования. Такая ситуация описана в политологической литературе.

Американские авторы Р. Б. Мортон и К. С. Уильямс сетуют, что представление об эмпирической политологии сложилось под влиянием бихевиорализма, неотъемлемой частью которого был эксперимент как исследование, в котором данные частично могут быть подвержены изменению по решению исследователя («экспериментальные данные»). В противоположность этому политология может оперировать данными, изменение которых полностью зависит от внешних по отношению к исследователю факторов («неэкспериментальные данные»). В этом случае речь идет о «неэкспериментальных эмпирических исследованиях» [7, с. 343].

В подтверждение предлагаемой триады отметим, что, не вдаваясь в исследования нынешнего состояния экспериментов в политологии (результаты этого выявления никак не повлияют на поставленную цель статьи), можно сделать вывод, что вопрос возможности экспериментирования стоит поднимать в отношении субдисциплин политологии, а не в целом политической науки. Беглого анализа политологического предмета достаточно для утверждения, что включить в экспериментальную ситуацию не получится такой предмет политических исследований, как глобальный политический порядок, международные отношения, форма государства, политический курс, революция. Все эти рассуждения позволяют сделать вывод, что политология является частично экспериментальной наукой, а ее неэкспериментальная часть объясняется спецификой познания в социальных науках. Этот вывод возможен, если понимать эксперимент классически как *процедуру контролируемой повторяемости опыта*. В рамках такого подхода к пониманию эксперимента можно сказать, что часть политологического предмета не подвержена экспериментированию, т.е. контролируемому повторению/воспроизведению. Однако, с другой стороны, можно уточнить, что часть политологического предмета не подвержена контролируемому повторению/воспроизведению в «лабораторных» условиях, но возможна в других.

Лабораторный эксперимент называют «золотым стандартом» экспериментирования [2, с. 32]. Именно в рамках лабораторного эксперимента достигается наибольший контроль исследователя над объектом изучения. Однако кроме лабораторных экспериментов существуют альтернативные варианты контролируемой проверки повторяемости опыта – «полевой» эксперимент, мысленный эксперимент, моделирование, включая компьютерное моделирование.

Полевой («естественный») эксперимент – это вид эксперимента, который проводится в условиях естественного воспроизводства объекта познания с минимумом вмешательства экспериментатора в этот процесс. Мысленный эксперимент – это вид эксперимента, в котором экспериментальная ситуация разыгрывается не в реальном эксперименте, а в воображении при сознательном и точном применении на всех стадиях мысленного эксперимента объективных законов и использование фактов, установленных в науке. Моделирование – экспериментирование на моделях объектов познания. Наш тезис в том, что политолог в обосновании гипотезы должен думать не о требовании соблюдения «золотой стандарт» эксперимента, а о необходимости соблюдения требования экспериментальной проверки гипотезы. Речь уже идет о политологии как науке в рамках достижения целей эмпирической верификации различными экспериментальными путями.

Политологию сложно до сих пор называть молодой наукой и тем самым продолжать спекулировать на тему ее становления, «списывая» различные теоретико-методологические недостатки, включая эмпирический базис политических исследований. Политическая наука прошла путь генерации самостоятельной политической теории и апробировала различные методологические подходы, многие из которых оформились в самостоятельные традиции политических исследований (бихевиорализм, институционализм и др.). Определенную роль в становлении политической теории сыграл и такой метод исследования как эксперимент. Цель экспериментирования в политологии – обосновать истинность гипотез о

наблюдаемых явлениях политической действительности посредством организации опытной повторяемости наблюдений. Политология – экспериментальная наука. Весь предмет изучения политологии возможен к подтверждению опытной повторяемости как посредством классического эксперимента, так и альтернативными способами. Предмет политической философии изначально не претендует на эмпирическую верификацию. Невозможность эксперимента в политической философии есть условие ее нахождения в составе политологии как субдисциплины. Тем самым роль эксперимента в развитии политической теории в том, что требование экспериментальной верификации в эмпирическом обосновании политологических гипотез оформляет их в собственно научные теории, а невозможность экспериментирования в некоторых областях политологии делает возможным продолжать философскую традицию нормативной политологии.

1. Макгроу, К. Политическая методология: планирование исследований и экспериментальные методы / К. Макгроу // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х. Д. Клингеманна ; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал. – М., 1999. – С. 748–765.

2. McDermott, R. Experimental methods in political science / R. McDermott // *Annu. Rev. Polit. Sci.* – 2002. – № 5. – P. 31–61.

3. Druckman, O. J. N. The Growth and Development of Experimental Research in Political Science / O. J. N. Druckman [et al.] // *American Polit. Science Rev.* – 2006. – Vol. 100, № 4. – P. 627–635.

4. Байме, К. фон Политическая теория: эмпирическая политическая теория / К. фон Байме // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х. Д. Клингеманна ; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал. – М., 1999. – С. 495–506.

5. Жданов, Г. Б. Теория и эксперимент / Г. Б. Жданов // *Вестн. Акад. наук СССР.* – 1977. – № 2. – С. 22–33.

6. Мертон, Р. Эмпирическое исследование в его отношении к социологической теории / Р. Мертон // Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М., 2006. – С. 209–228.

7. Morton, R. Experimentation in Political Science / R. Morton, K. Williams // The Oxford Handbook of Political Methodology / ed.: J. Box-Steffensmeier, D. Collier, H. Brady. – New York, 2008. – P. 339–356.